ВЕРШИНЫ

КОГДА ЧИТАЕШЬ статьи, дневниковые записи, переписку Льва Толстого с русскими писателями, многочисленными воспоминаниями о нем, неумолимо возникает одна из главных его дум — дальнейшая судьба, развитие, направление русской литературы. Он ставит во главу этого направления Пушкина, Лермонтова, Гоголя, причисляет к нему и себя («мы грешные») и добавляет, что оно идет «в изучение народа и выплывет, бог даст». Написано это в начале 70-х годов, когда требовательный, взыскательный глаз Толстого видел «упадок поэтического творчества», «...даже не упадок, а смерть с залогом возрождения в народности». Тут же он иллюстрирует свою мысль рисунком: над основной линией поднимается парабола (от Карамзина до Пушкина), затем она спускается и поднимается вновь к вписанному слову «будущее». И подписывает: «Счастливы те, кто будет участвовать в выплывании. Я надеюсь».

Надежды эти связаны с одним — «изучением народа». И Толстой жадно, много читает новинки, вглядывается в каждое новое лицо литератора, появляющееся в Ясной Поляне. Кому будет дано продолжить на новой высоте величие нашей реалистической литературы? Пройдет немало лет, прежде чем на пороге эпохи блеснет для него имя Горького. Он благосклонно отзовется о произведениях молодого писателя, заинтересуется им и выразит желание видеть его у себя. Знакомство это состоится в Хамовниках 16 января 1900 года. Потом последуют их крымские беседы (ноябрь 1901 — апрель 1902). И в толстовском дневнике, и в высказываниях отдается должное «даровитому, ценному и в Европе писателю»: «Настоящий человек из народа».

Уже тогда его привлекала в Горького близость к народной жизни, что в какой-то степени соприкасалось с его собственной гуманистической концепцией, идеей равенства людей от природы. Но мы знаем и другое: далеко не во всем их взгляды совпадали. Несмотря на иную мысль Горького, для Льва Николаевича он оставался человеком «умным, добрым и симпатичным». И Толстой делает доверительный шаг: показывает автору «Песни о Буревестнике» свои дневниковые записи, которые оставались тайной для родных. В то же время все более

нарастающий революционный пафос в творчестве Горького вызвал отрицательную реакцию Толстого.

Парадокс и состоял в том, что Горький своей убежденностью, определенной идеологической направленностью, гражданской страстью, вмешательством в реальные события воплощал собою как раз тот тип писателя, который был созвучен толстовскому идеалу художника, — «учителя жизни». Не потому ли столь пристальный интерес у Толстого к Горькому не только не ослабевал, а даже вопреки всему усиливался с каждым годом? В одной из бесед (3 октября 1905 г.) Толстой назвал успех Горького «загадкой». «Загадкой» в грозные события 1905 года для Толстого был не столько Горький, сколько внимавший ему революционно настроенный народ. Русский народ (который, как полагал Толстой, извечно руководствуется христианской заповедью «непротивления злу») сам взялся отвечать на важные вопросы своего существования. Это диссонировало со взглядами Толстого, опиравшегося на те существовавшие в крестьянской среде настроения «социального пассивизма», которые сложились в результате векового гнета. Отсюда во многом противоречия первой русской революции и самого Толстого, гениально вскрытые в известных ленинских работах. Отсюда и те расхождения между Толстым и Горьким, и тяга их друг к другу (восхищение Толстым Горький пронес через всю жизнь!), и та идеологическая борьба, которую развернули апологеты старого, отживающего мира вокруг этих имен. Борьба, не прекращающаяся и сегодня!

В СОЗНАНИИ современного читателя имена Л. Толстого и М. Горького как бы «разведены» по разным литературным эпохам. Каждый из них стал выражением основных, глубинных тенденций своего времени: в перспективе последующего развития творчество Толстого, как самое великое достижение критического реализма XIX века, и Горького, как художественное открытие новой литературы — социалистического реализма.

Вклад Толстого в развитие отечественной литературы настолько весом, что Горький писал: «...Этот человек сделал поистине огромное дело: дал итог пережитого за целый век и

дал его с изумительной правдивостью, силой и красотой... Он раскрыл нам о русской жизни почти столько же, как вся остальная наша литература». Девяностолетное полное собрание сочинений Л. Н. Толстого — это бесконечно богатый сложный и противоречивый духовный мир художника, его исканий и открытий. А Горький? Он поднялся к вершинам мировой литературы нового времени, создав грандиозную панораму крушения старого мира, многообразную картину действительности, обилие типических характеров и лиц, о чем неотразимо свидетельствуют многотомные его собрания сочинений.

История же взаимоотношений двух великих писателей на пороге эпохи — полная острая коллизия драма со своей завязкой, кульминацией и исходом. И главное в ней — отношение к революции. Толстой не принимал революционных форм изменения мира. Горький выступал против «непротивления злу», против пассивизма, возврата назад, к патриархальному укладу, он утверждал принцип активного отношения к жизни, революционного преобразования ее.

И все же волновавшие Толстого коренные проблемы бытия — самоценность человеческой личности, взаимоотношения индивидуума и среды, поиск идеала справедливого жизнеустройства трудового люда — не только не сошли с повестки дня на рубеже века, но обрели еще большую злободневность. С обращения к ним начиналось и развивалось творчество Горького. И он не мог не воспринять художественный опыт Толстого.

Критика девяностых годов, например, проводила аналогии между «Властью тьмы» и «На дне». Для этого были основания: в драме Толстого изображено дно нравственной темноты, а в драме Горького — социальное дно жизни, хотя горьковский Лука создавался уже в полемике с образом толстовского Акима, поскольку нес в себе и нечто подрывающее изнутри самую философию утешительства. Самый разгар работы над пьесой «На дне» падает на крымский период, когда Горький жил в Олеше и часто встречался с Толстым. Казалось бы, Лука должен был понравиться Толстой, но он «раскусил» его сущность, заявив: «старик... не симпатичный, в доброту его — не веришь»...

В определенной степени с персонажами произведений Толстого (рассказов-притч) ассоциируются образы Митрия («На плотях») и Луки («На дне»), но освещены они иным, чисто горьковским светом. Концепция человека у Горького, как выразителя реального гуманизма, носит действительный характер. Протест против собственного мира — движущая пружина произведений Льва Толстого на рубеже века. С этим солидарен и Горький. Однако поиски его прямо противоположны. Нагляднее всего это проявляется в решении характерного для обоих мотива «выламывания» человека из своего сословия. Герои Толстого либо ищут спасения в обретении новой веры («Отец Сергей»), либо уходят из «своего круга» (Федор Протасов в «Живом трупе»). Личность замыкается в себе, пытается решить главные вопросы бытия и мироустройства путем внутреннего самоусовершенствования. «Выламывание», уход горьковских героев — это прежде всего бунт, протест, стремление расшатать устой неправого порядка. «Совершенствоваться мы будем потом, когда сведем счеты», — писал Горький Пятницкому в январе 1902 года. Poleмическая заостренность этой фразы — своего рода отголосок крымских бесед с Толстым — очевидна и понятна.

И ВСЕ-ТАКИ глубокая любовь Горького к художнику Толстому проходит через всю его жизнь. Горький воспринимает Толстого как писателя, творческий поиск которого идет в русле самых важных, основных социально-нравственных проблем.

В глазах передовой части общества Л. Толстой и М. Горький — не просто современники, но властители дум. По данным опроса, проведенного одной из библиотек в 90-е — начале 900-х годов, Толстой и Горький пользовались наибольшей популярностью среди читателей. Замечательно, что они же были наиболее читаемыми русскими писателями за границей. А популярность их в России проявлялась даже в деятельности некоторых земств, позволивших себе «право», как негодующе заметил корреспондент официальной газеты «Гражданин», «не только выносить из школы иконы», но даже заменять их портретами Льва Толстого и Горького. Вышедшие из печати почти

одновременно «Воскресение» Л. Толстого и «Фома Гордеев» М. Горького были расценены как наиболее значительные литературные события 1899 года.

Творческий взлет Горького, по известности сравнявшегося в 900-е годы с Л. Толстым, не давал покоя буржуазной печати. Представители охранительной критики делали все возможное, чтобы отдалить и, если представится возможность, противопоставить писателей друг другу. Искали любой малейший повод. Для этого использовали даже сына Толстого. В анонимной заметке «О Л. Н. Толстом» «Петербургская газета» воспроизвела следующую интервью Льва Львовича корреспонденту «Одесских новостей». Сын Толстого возмущался «обилием фотографических карточек, на которых изображен Лев Николаевич рядом с Горьким», он увидел в этом стремление представить Горького «преемником... отца».

А Горький по-прежнему находился в центре литературного движения эпохи, слава его росла. Объективный ход событий свидетельствовал: толстовская и горьковская линии продолжали развиваться. Горький высоко ценил могучий художественный дар Толстого. И не только. Авторитет Толстого — общественного деятеля и страстного публициста имел для Горького не меньший вес, чем авторитет художника. Недаром он словно наследует от Толстого идею «собирания» русской литературы, но поднимается при этом как бы на новый виток спирали ее развития — выступая собирателем и вдохновителем революционных сил в литературе. А позже Леонид Леонов скажет: «... все мы, нынешняя литературская генерация, выпорхнули на свет из широкого горьковского рукава».

От Толстого через Горького окрепла и развилась идея общественного предназначения труда писателя, кровно связанного с народом, с жизнью страны. Она обрела в наши дни новое качество. Уроки Льва Толстого и Горького бесценны. Они ощущаются во всем. И конечно же, в заботе о будущем литературы, источником вдохновения которой стала сама жизнь народа, героика борьбы и воплощение в действительность мечты человечества — социалистического гуманизма.

Станислав ЗАЙКА,
кандидат филологических наук.